

Вдоль по Республиканской

ПРОГУЛКИ ПО ЯРОСЛАВЛЮ

Улица Республиканская (бывшая Духовская) – и старая, и новая. В отличие от некоторых других ей повезло: довольно много домов ушедших времен сохранилось, новая застройка, за редким исключением, вписана в сложившиеся кварталы тактично. Не обошлось, конечно, без потерь – вроде церкви Святого Духа, на месте которой сейчас «серый дом». Но кто теперь помнит этот уголок города в первоизданном виде? Кажется, он давно уже стал историей и остался только на фотографиях.

А вот и нет! Игорь Николаевич Иванов, в прошлом доцент политехнического института, чьи детство и юность прошли в доме через дорогу, сохранил о нем воспоминания, полные на редкость живыми картинками прошлого.

Он помнит церковь еще действующей. Место оживленное, рядом небольшой базарчик. Потом церковь закрыли, какое-то время она простояла так, а в 1938 году ее стали разбирать. Никаких особых механизмов при этом присланные рабочие не использовали, действовали в основном ломом. Игорю был 21 год, вместе с другими парнями он с любопытством наблюдал за необычным зрелищем, но самый впечатляющий момент – как рухнул купол – пропустил. Подробности, впрочем, узнал буквально через день-два в очереди за керосином.

– Стою, и тут же какой-то мужик с перевязанной рукой. Возбужденный такой и рассказывает, что с ним случилось. Оказывается, он был среди тех, кто работал на самом верху. Им надо было долбить кирпич под куполом, чтобы тот своей тяжестью осел. Купол громадный, скоро не получалось. Долбили они, долбили, а потом этот мужик хотел еще что-то там пешней поддеть. Сунул ее в отверстие, а купол в этот момент и опустился. Рука оказалась в капкане. Мужик орет, товарищи пытаются его выволочить – ничего не получается. Пришлось вызывать пожарных. Они-то его и спасли. Самое удивительное, что рука осталась цела. Мужик громко повтарял всей очереди: «Это пешня меня спасла. Если бы не она, быть бы мне без руки». А бабы вокруг причитали: «Бог тебя наказал, окаянный».

Я прошу Игоря Николаевича мысленно пройтись по всей улице его детства, и он охотно соглашается.

Улица, как и сейчас, начиналась с берега Волги. Где-то в районе «Водоканала», ближе к железнодорожному мосту, были на ней летние казармы. Прямо под открытым небом стояли длинные столы и скамейки. Солдат кормили кашей. Запомнилась почему-то гречневая – разваристая. Ели служивые, видимо, досыта. После обеда налетавшие со всех сторон мальчишки сгребали остатки каши и хлеба в шапки. Считалось, что курицам.

Ребятня любила болтаться около казарм, где всегда происходило что-нибудь интересное. Однажды Игорь видел, как солдат чистил винтовку и сломал шомпол.

Рядом – Загородный сад. Сейчас это просто название улицы, а в 1930-е годы эти слова нужно было понимать в прямом смысле – за городом.

– Там уже капуста росла, – уверяет Игорь Николаевич. – Вместе с отцом мы ходили там на станцию Привольжье, откуда ездили в деревню.

Но вернемся на Республиканскую, наш путь – к центру.

Перед нами Октябрьская площадь, бывший каток шинного завода – один из самых больших и самых популярных в городе. Музыка, вечером фанари, народу всегда полно, весело.

Обо всем этом «Северный край» писал 3 и 4 августа 2000 года, а Игорь Николаевич добавил к тому, что было в этих очерках, новые любопытнейшие подробности.

Оказывается, обе его дочери учились музыке у некоей Елены Васильевны Леонтьевой, а та была ученицей Анны Васильевны Кучеренко. Выпускница и золотая медалистка Московской консерватории, Анна Васильевна Саренко-Ку-

именно этот несчастный случай стал позже причиной ее ранней смерти – в 50 лет.

На другом углу Республиканской стоял дом врача-скулиста, а дальше – Пастуховское училище (сейчас ИПК «Ярнефтехим»). Отец Игоря Николаевича (на снимке он с женой) в нем работал, тут же, при училище, были квартиры для учителей.

Николай Алексеевич Иванов, сын фельдшера из села

Путятина, окончил Московский университет с дипломом первой степени. Математик. Вначале преподавал в частной гимназии Корсунской (сейчас здание почтамта), семья жила на Большой Даниловской улице, дом сгорел во время июльских событий 1918 года, а Пастуховское училище предоставило ему комнату. Это произошло уже в 1919 году, когда училище было преобразовано в техникум и учителя в нем жили гораздо теснее. Город лежал в руинах, на месте нынешнего Бутусовского поселка сплошное пожарище, люди теснились кое-как. Ивановы въехали в квартиру учителя рисования Булочкина. В то время в ней кроме Булочкина уже располагались с семьями преподаватели Шугаев, Готовцев и Копорский. Слово «коммуналка» еще не звучало, но один на всех туалет, одна умывальная, готовили каждый в своей комнате, потому что кухню занимал Копорский...

Впрочем, Пастуховское здание тогда во многом еще сохраняло следы былого вели-

дизель, от которого с помощью ременных передач работали все станки. Во дворе Игоря Николаевича помнит резервуар с нефтью. В конце 1920-х годов все это еще всю использовалось.

Через дорогу, на углу Республиканской и улицы Некрасова, сейчас продовольственный магазин. В конце 1920-х – начале 1930-х это здание из красного кирпича окрестное население знало как ЦРК (центральный рабочий кооператив). Игорь бегал сюда за хлебом по карточкам: рабочему давали 800, служащему – 600 граммов. У входа в ЦРК всегда сидела старушка с конфетами собственного изготовления: одна конфета стоила копейку.

Дальше к Свободе – преимущественно деревянные домишки, не доходя до сквера – школа, на дворе, на углу Республиканской и Свердлова, – популярное тогда в городе садоводство Готовых. Чудеса зеленого искусства, впрочем, Игоря тогда совершенно не интересовали. Он пробегал мимо – к кинотеатру «Арс», к «Горну», к расположенному ближе к Знаменской башне кинотеатру «Глаз», где шли американские комедии с Гарольдом Ллойдом и Дугласом Фербенксом – от смеха мальчишки буквально сползали со стульев. Игорь Николаевич до сих пор убежден, что с тех пор так и не сняли ничего смешнее.

Прогулка по Республиканской естественным образом привела нас к педуниверситету. Главное его здание, бывшее епархиальное училище, вошло в жизнь Ивановых дважды. Здесь училась мать Игоря Николаевича, а в 1930-е годы, когда тут уже был пединститут, некоторое время преподавал отец. В 1935-м Алексея Николаевича уволили. Поводом послужил случай, который навсегда остался в памяти семьи. Алексей Николаевич объяснял студентам, что такое бесконечно малые величины, и, на свою беду, начал с примера из жизни. «Представьте, стоит очередь за маслом. Привезли один килограмм. Сколько каждому достанется?»

После этого он вылетел из института пулей.

Дальше, где сейчас кинотеатр «Родина», дом с магазином «Художник» – место, которое называлось Лесная площадка. Название долго оставалось на карте города, но и тогда никакого леса здесь уже не было.

А вот никак не обозначенный в анналах Республиканской и проспекта Октября (тогда Гражданской) в памяти многих старожилов города, и в том числе Игоря Николаевича,

черенко была потрясающей пианисткой. Свидетельства ее уникальных способностей и авторитета в музыкальных кругах сохранились в рукописном отделе Ярославского музея-заповедника, в воспоминаниях ярославских и питерских родственников, о чем я уже писала. Игорь Николаевич добавляет к этому: любые ноты с листа читала. И продолжает:

– Ее знал купец Познизов-

Духовская улица и Пастуховское училище.

остался навсегда. Здесь, на месте нынешних времянок-магазинчиков, стоял когда-то одноэтажный дом – музыкальная школа Кучеренко. Основанная супругами Анной Васильевной и Дмитрием Митрофановичем, она была сначала частной, потом стала государственной и может считаться тем «зернышком», из которого потом выросло училище имени Собинова.

ки. Специально для нее он выписал два рояля «Стейнвэй» из Америки и устраивал у себя дома (очевидно, в знаменитом «замке» на Красном Профинтерне. – Т. Е.) ее концерты. Присылал за ней в Ярославль лошадей и так же доставлял обратно. Однажды где-то на раскате экипаж перевернулся, Анна Васильевна сильно ушиблась. Леонтьева считала, что

колепия. В свое время в нем было устроено калориферное отопление: в подвале стояли печи, тепло поступало наверх по специальным воздуховодам через решетки в каждом помещении. В комнате Ивановых тоже находились решетки, но к тому времени уже безжизненные, и отапливалась она обычной печкой. Но умерло не все. В учебной мастерской стоял

– И хорошо, – неожиданно заключает Игорь Николаевич. – Если бы отец продержался до тридцати седьмого года, то с таким образным мышлением его бы наверняка посадили.

Игорь Николаевич Иванов знает, что говорит. Он прожил непростую жизнь, она могла бы стать темой отдельного рассказа. Но уже о другом.

Татьяна Егорова.